

А. В. ТОИЧКИНА *

**СТАТЬЯ Н. Н. СТРАХОВА «ЖИТЕЛИ ПЛАНЕТ»
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1860–1870-х гг.**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, Вольтер, «жители планет», сон, смешной человек, «золотой век».

Автор исследует статью Н. Н. Страхова «Жители планет» как один из источников творчества Достоевского 1860–1870-х гг. В частности, тема «жителей планет» находит свое преломление в известной записи Достоевского 1864 г. «Маша лежит на столе» и в рассказе «Сон смешного человека» из «Дневника писателя» за 1877 г. С темой «жителей планет» у Страхова и Достоевского связан целый комплекс религиозно-философских представлений, в частности вопрос о религиозном смысле истории и роли в нем человека в отдельности и человечества в целом. В работе исследуется специфика преломления этих идей в статье философа и рассказе писателя. Кроме того, в статье рассматривается значение повести «Микромегас» Вольтера для статьи Страхова и рассказа «Сон смешного человека» Достоевского.

Статья Н. Н. Страхова «Жители планет» вышла в первом номере за 1861 г. журнала братьев Достоевских «Время» и вызвала значительный и неоднозначный отклик у современников. В частности, М. А. Антонович на страницах «Современника» писал: в статье Страхова «Жители планет» «доказывается, что на планетах нет жителей; но как доказывается, это просто прелесть! На 48 страницах¹ приводятся самые разнообразные аргументы в пользу того, что на планетах есть жители, именно люди, имеющие такие же носы, какие есть и у нас земнородных; и эта мысль возводится таким образом на степень несомненной истины, и становится основанием, из которого на 8 страницах выводятся заключения, что на планетах нет и не должно быть жителей; на планетах есть жители такие, как мы, — следовательно на планетах нет никаких жителей»². «Искра» изображала Страхова «в фантастическом костюме “жителя планет”»; вместо головы у него гегелевская категория,

* Александра Витальевна Тоичкина, канд. филол. наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета — alex.toich@gmail.com.

¹ В журнальном варианте статья составляла 56 страниц.

² Антонович М. А. О духе «Времени» и о г. Косице, как наилучшем его выражении // Современник. 1862. № 4. С. 272.

вместо рук и ног субстраты “почвы”³. Критические отклики появлялись и в других изданиях. Само словосочетание «жители планет» в литературной жизни 1860–1870-х гг. неразрывно было связано с именем и личностью Страхова, как и с оценкой его статьи. Так, в шутовском стихотворении Достоевского, построенном на повторении «общих мест» в журнальной полемике 1860-х гг., Страхов ассоциируется именно с жителями планет: «Век и Век и Лев Камбек, / Лев Камбек и Век и Век. / На пистончике корнет / Страхов жители планет» (20, 96).

Между тем, статья была написана критиком в контексте его философских работ конца 1850-х — 1860-х гг., которые в итоге составили книгу «Мир как целое. Черты из наук о природе» (вышла в 1872 г. в Санкт-Петербурге). В контексте книги статья составляет целую часть и обретает иное звучание, чем в русской публицистике первой половины 1860-х гг.

Остановимся на основных положениях и некоторых источниках работы Страхова «Жители планет».

В книге раздел «Жители планет» разделен на семь глав⁴:

1. Неизбежность вопроса о жителях планет;
2. Правильная постановка вопроса;
3. Однообразии вещественных явлений в мире;
4. Микромегас Вольтера:
— Глава 1. Путешествие обитателя Сириусова мира на планету Сатурн;
— Глава 2. Разговор жителей Сириуса с жителем Сатурна;
5. О внешних чувствах;
6. Источник всех мечтаний;
7. Человек — центр мира.

В первой главе, излагая точку зрения Лапласа с опорой на его книгу «Изложение системы мира», Страхов указывает на суть проблемы. Мысль о существовании других цивилизаций — жителей планет — ставит под сомнение единственность и совершенство земли как центра мироздания и самосознание человека как царя природы, главного существа мира, цели и смысла всего существующего⁵. Если есть более совершенные «жители планет», то жизнь человека ничтожна и несостоятельна.

Во второй главе Страхов формулирует свою «постановку вопроса»: «Понятие об иной жизни, отличной от человеческой, глубоко и крепко коренится в человеческом духе. Как легко видеть, оно имеет значение величайшей важности, потому что неразрывно связано с тем смыслом, какой мы придаем нашей земной жизни. Поэтому фантастические, бесконечно разнообразные представления *иной жизни*, которыми от древности и до наших дней сопровождается история человеческого мышления, все имеют положительное значение, все могут быть

³ Искра. 1863. № 1. С. 12.

⁴ В журнальном варианте главы не носили специальных названий.

⁵ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007. С. 214–215. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно с указанием номера страницы.

истолкованы — как светлый или темный фон, на котором резко рисуются формы нашей земной, человеческой жизни. Это царство теней, эти блестящие и мрачные признаки толпятся вокруг человека как будто только для того, чтобы среди них тем осязательнее и выпуклее выдалась его действительная, не призрачная фигура. Таким образом, мы строим эти существа на основании понимания нашей жизни, и, следовательно, вопрос о жителях планет должен обратиться в следующий: можем ли мы так понимать нашу жизнь, так смотреть на нее, чтобы выходя из этого взгляда, можно было правильным образом населить планеты?» (217).

Далее Страхов рассматривает вопрос, по выражению Д. И. Чижевского, с «биологической точки зрения». Он вспоминает высказывание профессора С. С. Кутурги о том, «что после нас на земле <...> явятся <...> люди с крыльями <...> Они будут летать, а не ходить, а летать гораздо лучше, чем ходить!» (218) и критически оценивает его, доказывая совершенство биологического строения человека.

В главе третьей Страхов формулирует важную и для него, и для Достоевского мысль о единстве мироздания, о единстве вселенной и законов, действующих в ней: «Итак, если кто захочет воображать себе на планетах растения и животных, то, строго говоря, он должен воображать их такими, каковы они на Земле. <...> Планеты — та же земля; звезды — то же солнце; и до бесконечности небес все то же и то же, все солнца, да планеты, да пространство, не имеющее конца...» (226–227). И приходит к выводу: «... величие целого мироздания отражается в Земле, <...> в ней вполне выразилась сущность мира» (229).

Там же упоминается и некая легенда о «жителях луны» (выражение это также встречается у Достоевского): «Какой-то ученый, и едва ли не немецкий, предлагал какому-то правительству, и едва ли не русскому, где-нибудь на больших пространствах изобразить яркими огнями какой-нибудь геометрический чертеж, например чертеж Пифагоровой теоремы. Жители луны, которые, вероятно не менее Пифагора радовались открытию этой теоремы и, может быть, также принесли за это в жертву богам сто лунных быков, без сомнения, узнали бы чертеж и любезно отвечали бы нам другим чертежом. Ученый, кажется, прибавлял еще, что если бы этот способ не удался, т. е. если бы оказалось, что жители Луны не знают геометрии, то мы бы, по крайней мере, убедились, что с ними не стоит знакомиться» (223). Комментарий современного издания книги Страхова (Н. П. Ильин) ссылается в данном случае на легенду о Пифагоре, который в честь своего открытия теоремы принес в жертву чуть не сто быков (легенду приводит Диоген Лаэртский⁶). Но рассматривать данный эпизод, видимо, нужно в контексте разных источников. Существенное значение составляет ряд сочинений в истории европейской литературы о путешествиях на луну

---

⁶ См. комментарий Н. П. Ильина в издании: *Страхов Н. Н.* Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007. С. 498.

от античных «мениппей» и «Правдивой истории» Лукиана (II в. н. э.) до «Микромегаса» Вольтера, столь важного для рассуждений Страхова. Возможным источником является фантастический роман Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и Империи Луны» (сочинения де Бержерака вышли в Париже в 1858 г.), который в свою очередь оказал значительное влияние на повесть Вольтера⁷.

Глава о «Микромегасе» Вольтера в статье имеет две подглавки, посвященные важным для Страхова эпизодам философской повести Вольтера. Проблема, которую ставит здесь Страхов, напрямую отсылает нас к «Сну смешного человека» Достоевского: возможно ли «нравственное разнообразие мира», «бытие существ более совершенных», чем сам человек? (230). «Если человек, недовольный своим телесным устройством, мечтает иногда о крыльях, то несравненно более он склонен воображать существа, у которых не было бы наших нравственных недостатков. То есть человек расположен верить, что сущность его нравственной жизни может проявиться в несравненно лучших формах, чем она является на земле. Вот где заключается главный корень нашего желания населить планеты, вот отчего и Гейне, говоря с Гегелем, вздумал назвать звезды жилищем блаженных» (230) (речь идет о разговоре Гейне и Гегеля, отрывок из которого взят Страховым в качестве эпиграфа к статье: Гейне называет звезды «жилищем блаженных», Гегель — «лоснящимися прыщами (золотой сыпью) на лице неба»). Далее у Страхова идет речь об утопии: «Мы улетаем мысленно к счастливым жителям планет, чтобы отдохнуть от скуки и тоски земной жизни. Так точно прежде любили вспоминать “золотой век”; так некогда воображали себе Эльдorado, где побывал и Вольтер, или Новую Атлантиду, куда мысленно плавал Бэкон Веруламский. <...> Задача, которую представляют все эти создания нашего ума, чрезвычайно обширна и трудна. Нужно было бы показать, в каком отношении находятся все эти предположения к самой сущности нашей нравственной природы, возможны ли они по ее законам, по ее необходимым свойствам. Наша духовная жизнь образуется и развивается не менее правильно, не менее строго законно, как и совершаются какие-нибудь физические или химические явления. Начиная от простейших ощущений и до глубочайших мыслей, чувств и желаний, — психические явления тесно связаны между собою и вытекают из единой сущности. Они не могут быть перестраиваемы произвольно, они не должны быть понимаемы,

---

⁷ Научно-фантастическая тема «жителей луны» была популярна и в XIX в. Так, в 1830-х гг. в Европе и в России пользовалась успехом книга «О жителях Луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир-Джоном Гершелем, во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды» (пер. с нем. — СПб., 1836), которая содержала целый ряд совершенно фантастических сведений о мнимых открытиях Дж. Гершеля (в брошюре сообщает об открытиях помощник Гершеля — А. Грант). На мистификацию с негодованием откликнулись В. Г. Белинский в «Молве» и О. И. Сенковский в «Библиотеке для чтения».

как частное сочетание свойств, созданное капризной фантазией чуждых нам сил и вложенное в нас извне. Следовательно, нам нужно было бы показать законное и неизбежное их развитие из глубочайшей глубины человеческой сущности, — той таинственной глубины, где сливаются дух и тело, где, как в центре тяжести, сосредоточено все наше существование» (230–231). Именно эту задачу и возьмется художественно решать Достоевский в «Сне смешного человека».

В главе третьей статьи Страхов обращается к «Разговорам о множестве миров» Фонтенеля, а потом переходит к подробному изложению ряда сцен из «Микромегаса» Вольтера. Страхов очерчивает по Вольтеру портрет Микромегаса и пишет следующее: «Вольтер осмеивает земную жизнь и осмеивает чрезвычайно просто — перенося ее на планеты. <...> Выставляя *частные* обстоятельства своего времени, как будто явления общие и необходимые, Вольтер тем резче выставляет всю их случайность и неразумность» (235). Страхов останавливается на вопросах связи между величиной и формой, на уме и знаниях Микромегаса. Поминает он и две основные планеты из повести: Сириус и Сатурн. Сириус и «вольтеровы кресла» окажутся необходимыми художественными деталями в «Сне смешного человека». Произведение Вольтера станет важным связующим звеном философских идей Страхова и рассказа Достоевского.

О Вольтере и Достоевском существует своя исследовательская литература⁸. В отношении к «Сну смешного человека» вольтеровскую тему отметили М. М. Бахтин⁹ и В. А. Туниманов¹⁰. Повесть «Микромегас» Вольтера как один из важных для понимания смысла «Сна смешного человека» Достоевского претекстов, конечно же, заслуживает отдельного рассмотрения¹¹. Необходимо обозначить точки соприкосновения

⁸ Упомянем следующие работы: *Гроссман Л. П.* Русский Кандид (К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского) // Вестник Европы. 1914. № 5. С. 192–208; *Rammelmeyer A.* Dostoevskij und Voltair // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* 1958. Bd. XXVI. H. 2. S. 252–278; *Песоцкая С. А.* Гейне и Достоевский: К вопросу об усвоении художественных традиций Вольтера, Дидро и Руссо // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. 7–9 дек. 1988 г. Томск, 1990. С. 106–107; *Нагорная Н. М.* Пушкин — Вольтер — Достоевский (Судьба пушкинской повествовательной традиции в русской литературе второй половины XIX в.) // Материалы Пушкинской научной конференции, 1–2 марта 1995 года (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Киев, 1995. С. 86–89; *Сараскина Л. И.* «Был один старый грешник в восемнадцатом столетии...» (Вольтер в произведениях Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 34. СПб., 2016. С. 113–125.

⁹ *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 172–173.

¹⁰ В комментарии к 25-му тому Полного собрания сочинений Достоевского В. А. Туниманов назвал повесть «Русским Микромегасом» (25, 400).

¹¹ Генезис жанровой художественной формы рассказа Достоевского многосоставен. М. М. Бахтин возводит «Сон» к таким разновидностям мениппеи, как «сонная сатира» и «фантастическое путешествие». По его мнению, в европейскую литературу сон вошел в жарге «Менипповой сатиры». Сон в мениппее «вводится именно как *возможность* совсем другой жизни, организованной по другим законам, чем обычная (иногда прямо

и расхождения рассматриваемых произведений. И для Достоевского, и для Страхова, безусловно, важен в повести главный ее смысл: идея о том, что «люди, наделенные от природы разумом и знаниями, могли бы сделать жизнь на земле прекрасной и содержательной»¹². Но Страхов развивает мысль в своем ключе: его занимает вопрос о соотношении формы и сущности, формы и законов бытия (духовных и эмпирических). Духовные законы преломляются в физических; физические (биологические) предопределяют существующие формы явлений. Так, комментируя комический диалог Микромегаса и секретаря академии наук на Сатурне в повести Вольтера, Страхов останавливается на вопросе о долголетию и указывает на главный критерий — содержание жизни: «...никак нельзя поручиться за то, что, что если бы удлинить вдвое и втрое жизнь ныне живущих людей, то отсюда проистекли бы необычайные, великие открытия, блестящие успехи и т. д. Едва ли даже не было бы хуже, чем теперь» (242). По Страхову, именно деятельность ума может явиться деятельностью, «необходимой требующей больших размеров времени» (242). При этом он заключает рассуждение о «Микромегасе» своим важнейшим тезисом, который противопоставляет религиозно-философской концепции Вольтера: «...понятие о Боге есть центральное понятие, на которое мы сводим все другие, так как мир вполне определяется творческой волей Бога, то все вопросы сводятся на то, чтобы понять, как вещи зависят от Бога» (245). Вопрос о деятельности ума, значении и качестве познания — один из центральных у Вольтера — остается для Страхова важнейшим вопросом бытия человека на земле: «...ум — центральная, сосредоточивающая сила. В этом его достоинство и могущество. В самом деле, представьте себе

как “мир наизнанку”). <...> Мениппейная традиция художественного использования сна продолжает жить и в последующем развитии европейской литературы в разных вариациях и с разными оттенками: в “сонных видениях” средневековой литературы, в гротескных сатирах XVI и XVII веков (особенно ярко у Кеведа и Гриммельсхаузена), в сказочно-символическом использовании у романтиков (в том числе в своеобразной лирике сновидений у Генриха Гейне), в психологическом и социально-утопическом использовании в реалистических романах (у Жорж Санд, у Чернышевского). Особо нужно отметить важную вариацию *кризисных снов*, приводящих человека к перерождению и к обновлению (кризисная вариация сна использовалась и в драматургии: у Шекспира, у Кальдерона, в XIX веке у Грильпарцера)». Среди европейских произведений, которые относятся к жанровой разновидности «фантастических путешествий» и являются источниками «Сна», Бахтин упоминает философско-фантастический роман «Другой свет, или Государства и империи Луны» (1647–1650) Сирано де Бержерака, «Полет путешественника на Луну» (около 1659) Гриммельсхаузена, «Микромегас» Вольтера (1752) (Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 171–172). В. А. Туниманов прибавляет к этому списку мистическое сочинение Э. Сведенборга (1689–1772) «О небесах, о мире духов и об аде» (лейпцигское издание 1863 г. было подарено 8 января 1879 г. Достоевскому переводчиком романа А. Н. Аксаковым (25, 400–402)).

¹² Коган П. С. Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер (21 ноября 1694 г. — 31 мая 1778 г.) // Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М.; Л., 1931. Т. 1. С. XXXI.

всевозможные познания, представьте познания всех жителей планет; что было бы, если бы ум представлял только способность поглощать их одно за другим? Работа без всякого конца и цели. Вот почему ум останавливается, обозревает все, что уже в его власти, определяет главные точки, центральные вопросы, — на них устремляет все свое внимание и, следовательно, необходимо оставлять в тени то, что далеко от этих вопросов. <...> Ум есть деятельность вполне свободная, перед которой открыты все пути. Никак нельзя сказать, чтобы где-нибудь на планетах ум еще свободнее избирал предметы и ставил вопросы, чем на Земле. Не хуже других обитателей мира мы умеем избрать глубочайшую и занимательнейшую задачу. Если сумеем и разрешить ее, то нам некому будет завидовать» (245–246). «Величайшие вопросы», которые должен разрешить человек, — «вопросы жизни и смерти, вопросы, по решению которых человек действует» (246). К этим вопросам обратится в своем рассказе Достоевский. И он даст свой ответ и Вольтеру, и Страхову.

В главе пятой («О внешних чувствах») Страхов доказывает совершенство человека как биологического явления: «Весь смысл животного царства заключается в человеке; если животные обладают зрением, то они обязаны этим только тому, что для разума нужно было зрение. Стремясь к человеку, природа необходимо должна была произвести многие человекоподобные явления. И теперь, когда она успела олицетворить свой идеал, мы впадем в грубую ошибку, если будем смотреть на человека, как на попытку — вместо свободного и полного создания, как на *пробу пера* — вместо гармонической поэмы. Сказать, что у человека не все чувства, — значит очень унижить человека, а также потому, что внешние чувства не суть что-либо столь трудное и высокое, чтобы природа не могла достигнуть их полного разнообразия и достоинства» (255). Страхов предлагает свою классификацию чувств. В этой же части речь идет о носах, которые так задели Антоновича.

В главе шестой Страхов ставит проблему соотношения мысли и языка: «Вообще, слова закрывают от нас действительный мир и заставляют жить в воображаемом. Каждое слово необходимо имеет неопределенность, неограниченный объем, и мы воображением стараемся наполнить весь этот объем. <...> Следовательно, все сводится на то, что мы не видим связи между общим и частным; слова всегда выражают нечто общее, отдельные черты, и мы привыкаем думать, что под это общее могут подходить бесчисленные частности. Таким образом, мы готовы признать возможность бесконечно разнообразных комбинаций, мир является хаосом, в котором отдельные черты вещей сочетаются по воле случая. Таков мир слов, но не таков действительный мир. В нем все связано и определено, все в строгих отношениях. Науки стремятся именно к тому, чтобы найти эту правильную зависимость» (257–258). Вывод, к которому приходит критик: «Мыслить создание природы, которое было бы выше человека, невозможно. Следовательно, невозможно предполагать, чтобы на других планетах жизнь проявилась

совершеннее или даже иначе, чем на планете, где высшее существо есть человек» (260).

В седьмой, заключительной, главе Страхов выводит тему статьи на вершинный уровень: «истинно богоподобный человек», или, по Страхову, «человек вообще» — есть неисчерпаемый источник для утоления жажды души¹³. Для того чтобы удовлетворить наши глубочайшие и заветнейшие стремления к иной жизни, «вместо того, чтобы путешествовать на планеты, вникнем внимательно в жизнь других людей, — мы откроем в ней новые миры, — богатые еще неведомой для нас красотой и силой. Точно так же, вместо того чтобы мечтать о далеких грядущих веках, мы должны благоговейно смотреть на доступное нам будущее. Душа должна быть вполне раскрыта для веяния нового духа, для новых откровений, для разоблачения действительных тайн, потому нет ничего таинственнее будущего» (269).

В контексте статьи Страхова особенным образом прочитываются такие важные для творчества Достоевского сочинения, как известная запись 1864 г. «16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» и рассказ «Сон смешного человека» из «Дневника писателя» 1877 г. В отличие от Страхова, Достоевский видит, что «человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное» (20, 173). И дело не в крыльях профессора Куторги, и не в росте и способностях Микромегаса Вольтера. Достоевский переносит вопрос о совершенном человеке из биологической плоскости в сферу этики. Исторически явленный идеал Христа обозначает для него реальную возможность существования иного человека, человечества и райской жизни: «Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? — мы не знаем. Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком (следовательно, и понятия мы не имеем, какими будем мы существами). Эта черта предсказана и предугадана Христом, — великим и конечным идеалом развития всего человечества, — представшим нам, по закону нашей истории, во плоти; эта черта: “Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божи”». — Черта глубоко знаменательная» (20, 173).

В «Сне смешного человека» тема статьи Страхова «Жители планет» получает новый поворот и новое решение¹⁴. В письмах к Страхову

---

¹³ Вольтер не раз нападал на антропоцентризм. В частности, в «Микромегасе» он предпринимает попытку взглянуть на человека и человечество, освободившись от антропоцентрических представлений: «Земля не более как пылинка в мироздании, человек — не центр вселенной, а ничтожный атом, и потому нелепо подходить к вещам с критерием их полезности или вредности для человека» (*Вольтер. Избранные произведения* в одном томе. М., 1938. С. 609 (коммент. К. Н. Берковой)).

¹⁴ Первым, насколько нам известно, указал на работу Страхова «Жители планет» как на источник «Сна смешного человека» Г. М. Фридендер (*Фридендер Г. М. Реализм Достоевского*. М.; Л., 1964. С. 36).

ву конца 1860-х гг. Достоевский не только обсуждает свои замыслы, но и отстаивает свои творческие принципы, в частности свое понимание фантастического. В письме Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. он пишет: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по моему, не есть еще реализм, а даже напротив» (29₁, 19). Но тема «жителей планет» относится к собственно фантастическим темам. В письме к А. Н. Майкову от 18 (30) января 1871 г. Достоевский пишет по поводу романа Лескова «На ножах»: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит» (29₁, 172). То есть фантастическое неправдоподобие неприемлемо для него как «вранье». Тем не менее, в своем фантастическом рассказе «Сон смешного человека» Достоевский в полной мере использует ход Страхова¹⁵: он берет тему собственно фантастическую и нереальную для того, чтобы раскрыть «неисследимые глубины духа и характера человеческого» (21, 82). Писатель управляет своего героя «на другую планету» для того, чтобы вернуть его в общество людей и научить любить ближнего своего. Это ход Страхова. Но если он пишет в статье о единстве вещества, физических и духовных законов для вселенной и человека, то Достоевский опять же переводит проблему собственно в план этический¹⁶. Вопрос о действии этических законов во вселенной ставит герой (вопрос этот разрешается в художественном целом рассказа): «... если б я жил прежде на луне или на Марсе и сделал бы там какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступок, какой только можно себе представить, и был там за него поруган и обесчещен так, как только можно ощутить и представить лишь разве иногда во сне, в кошмаре, и если б, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с земли на луну, — было бы мне *все равно* или

---

¹⁵ Вольтер использует тему «жителей планет» для того, чтобы «ярче оттенить людское безумие, чтобы показать, во что превратили люди землю» (Коган П. С. Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер (21 ноября 1694 г. — 31 мая 1778 г.). С. XXXI).

¹⁶ Писатель пародийно заостряет акцент на представлениях, основанных на предельном субъективизме мышления: «Ясным представлялось, что жизнь и мир как бы от меня теперь зависят. Можно сказать даже так, что мир теперь как бы для меня одного и сделан: застрелюсь я, и мира не будет, по крайней мере для меня. Не говоря уже о том, что может быть, и действительно ни для кого ничего не будет после меня, и весь мир, только лишь угаснет мое сознание, угаснет тотчас как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания и упразднится, ибо, может быть, весь этот мир и все эти люди — я-то сам один и есть» (2, 108). Вопрос о субъективности переживаний и восприятий человека в достаточно острой форме поставлен и в «Микромегасе» Вольтера. В книге Страхова «Мир как целое» эта проблема важна для оценки Страховым материализма: он признает материализм как метод познания, но отрицает как философский подход именно из-за субъективизма человеческого восприятия.

нет? Ощущал ли бы я за тот поступок стыд или нет?» (25, 108). Показательно, что герой засыпает в «вольтеровском» кресле. Вольтеровскому Сириусу в «Сне...» противопоставляется звездочка, с которой завязывается сюжет самоубийства и которую видит герой, когда летит в пространстве с темным существом: «Я помню, что вдруг увидел в темноте одну звездочку. “Это Сириус?” — спросил я, вдруг не удержавшись, ибо я не хотел ни о чем спрашивать. — “Нет, это та самая звезда, которую ты видел между облаками, возвращаясь домой”, — отвечало мне существо, уносившее меня» (25, 110). Достоевский отмежевывается от «Микромегаса» Вольтера: звездочка не Сириус, а «Сон...» не пародия на человечество с его философскими и эмпирическими заблуждениями. Тема «такого же солнца, как и наше, повторение его и двойник его», «повторений во вселенной», «повторений земли», вопрос героя: «Как может быть подобное повторение и для чего?» (25, 111) непосредственно отсылает к статье Страхова — эти идеи высказывает он в седьмой главе своей статьи. Страхов доводит идею «вечного повторения» до абсурда, демонстрируя ее полную бессмысленность. Достоевский акцентирует внимание на смысле изображаемого им явления «другой земли». Вопросы о форме и сущности¹⁷, о слове и его значении, о знании, «ощущение единения с Целым вселенной», мысль о непреложных законах развития («все то, что есть теперь, не могло не быть» — 25, 117) тоже непосредственно вводит в рассказ темы статьи Страхова. Но художественно разрабатывая философский ход и контекст статьи критика, Достоевский достигает той цели, к которой в рамках статьи стремился Страхов, но которой достичь ему философскими средствами не удалось (по крайней мере, в контексте современной ему философско-критической ее разработки: не случайно Антонович так ядовито ее оценивал). В художественном целом произведения в форме фантастического сна, созданного «по рецепту» Страхова на мотиве повторения земли и истории человечества от рая до ада грехопадения, Достоевский в художественной форме утверждает идею, важную для них обоих: «...люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле», «Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться» (25, 118–119). Именно художественными средствами Достоевский смог создать и убедительно представить свой образ Истины¹⁸, образ возможного идеала человека, образ рая на земле.

---

¹⁷ По Страхову, форма является воплощением сущности явления, и именно объективное познание формы дарует нам познание сущности.

¹⁸ Сущственно то, что писатель делает акцент на том, что герой «*видит Истину*» («я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целости, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей» — 25, 118). Бахтин пишет, что «истина, по Достоевскому, может быть только предметом живого виденья, а не отвлеченного познания» (*Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского*. С. 178). В статье Страхова именно зрение и слух

Библиографический список

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Вольтер.* Избранные произведения в одном томе. М., 1938.
- Гроссман Л. П.* Русский Кандид (К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского) // Вестник Европы. 1914. № 5.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Коган П. С.* Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер (21 ноября 1694 г. — 31 мая 1778 г.) // Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М.; Л., 1931. Т. 1.
- Нагорная Н. М.* Пушкин — Вольтер — Достоевский (Судьба пушкинской повествовательной традиции в русской литературе второй половины XIX в.) // Материалы Пушкинской научной конференции, 1–2 марта 1995 года (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Киев, 1995.
- Песоцкая С. А.* Гейне и Достоевский: К вопросу об усвоении художественных традиций Вольтера, Дидро и Руссо // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. 7–9 дек. 1988 г. Томск, 1990.
- Сараскина Л. И.* «Был один старый грешник в восемнадцатом столетии...» (Вольтер в произведениях Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2016. № 34.
- Страхов Н. Н.* Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007.
- Фридлендер Г. М.* Реализм Достоевского. М.; Л., 1964.
- Rammelmeyer A.* Dostoevskij und Voltair // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1958. Bd. XXVI. Hf. 2.

Toichkina A. V.

STRAKHOV'S ARTICLE "INHABITANTS OF PLANETS" IN DOSTOEVSKY'S CREATIVITY 1860–1870s YEARS

Key words: F. M. Dostoevsky, N. N. Strakhov, Volter, "inhabitans of planets", dream, Funny Person, "Golden Age".

The author considers Strakhov's article "Inhabitants of planets" as one of sources of creativity of Dostoyevsky of the 1860–1870s years. In particular, the subject of "inhabitants of planets" finds the refraction in the known record of Dostoevsky of 1864 "Masha lies on a table" and in the story "Dream of the Funny Person" from "The diary of the writer" for 1877. The whole complex of religious and philosophical representations is connected with a subject of "inhabitants of planets" at Strakhov's and Dostoevsky's writings. In work the specifics of their refraction in article of the philosopher and the story by the writer are investigated.

причислялись к объективным средствам познания человека. Для Страхова процесс познания и есть живое виденье явления. Но как философ он выбирает путь рационального, аналитического утверждения истины, которая, по Достоевскому, может быть познана только через живой образ, явленный миру.

References

- Bakhtin M. M. *Problemu poetiki Dostoevskogo*. Moscow, 1979.
- Grossman L. P. Russkij Kandid (K voprosu o vlijanii Voltera na Dostoevskogo). *Vestnik Evropy*. 1914. N 5.
- Volter. *Isbrannue proisvedenija v odnom tome*. Moscow, 1938.
- Pesockaja S. A. Heine i Dostoevskij: K voprosu ob usvoenii khudogestvennih tradicij Voltera, Didro i Russo. *Problemu literaturnuh zanrov: materialu VI naychnoj mezvuzovskoj konferencii 7–9 dec. 1988 goda*. Tomsk, 1990.
- Saraskina L. I. “Bul odin staruj greshnik v vosemnadcatom stoletii...” (Volter v proisvedenijach Dostoevskogo). *Dostoevskij i mirovaja kultura*. St. Petersburg, 2016. N 34.
- Kogan P. S. Francua-Mari Arue de Volter (21 nojabrja 1694 g. — 31 maja 1778 g.). *Volter: Filosofskie povesti i rasskazu, memuaru i dialogi*. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1931.
- Nagornaja N. M. Pushkin — Volter — Dostoevskij: Sud’ba pushkinskoj povestvovatelnoj tradicii v ruskoj literature vtoroj polovinu XIX veka. *Materialu Pushkinskoj nauchnoj konferencii, 1–2 marta 1995 goda (k 200-letiju so dnja roghdenija A. S. Pushkina)*. Kiev, 1995.
- Strachov N. N. *Mir kak celoe. Chertu iz nauk o prirode*. Moscow, 2007.
- Fridlender G. M. *Realism Dostoevskogo*. Moscow; Leningrad, 1964.
- Rammelmeyer A. Dostoevskij und Voltair. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1958. Vol. XXVI (2).